— Больше не могу есть.

— Послушай, допей, — Чэн Шан на мгновение замолчал. — Выпьешь — подарю тебе подарок.

Чэн Юэ тихо пробормотал:

— Кто тут просит подарков, я тебе не ребёнок.

И всё равно пытается отделаться такими словами.

Хоть он так и говорил, но всё же послушно взял в руки пиалу и допил суп.

Глядя на то, как Чэн Юэ усердно ест, мужчина почувствовал, как в груди поднимается волна огромного удовлетворения.

Всё-таки он ещё слишком худой, поэтому ему хотелось откормить мальчика получше, а затем преподнести к его ногам все самые лучшие вещи на свете.

Когда Чэн Юэ наконец закончил трапезу, он хоть ничего и не говорил, но то и дело украдкой поглядывал на Чэн Шана.

Сначала мужчина нарочно ничего не говорил и убирал со стола, но заметив, что Чэн Юэ и впрямь собрался идти играть в какие-то игры с тем глупым роботом, поспешно заговорил:

— Юэ-Юэ, пойдём наверх.

Чэн Юэ фыркнул:

— Сейчас не хочу смотреть.

Мужчина вздохнул:

— И что же делать, умоляю тебя, ладно?

Юноша изо всех сил старался держать уголки губ прямыми, но в конце концов всё же не удержался и слегка улыбнулся, а затем последовал за Чэн Шаном наверх.

За те два дня, что они жили здесь, Чэн Юэ всё время занимал второй этаж, и на третий этаж с мужчиной он поднимался впервые. Миновав длинный коридор, они дошли до комнаты в самом его конце.

В тот самый момент, когда дверь распахнулась, Чэн Юэ замер.

Это была великолепно отремонтированная художественная студия с прекрасным освещением. Белые занавески покачивались на ветру, и солнечный свет заливал всё помещение.

— Это…

— На самом деле студия была готова уже давно, просто эти два дня я был занят самыми разными делами, и только сегодня решил показать её тебе.

Чэн Юэ учился живописи, и поскольку он вёл затворнический образ жизни, большую часть времени дома он проводил за просмотром сериалов или рисованием, а чаще всего — зарисовывал А-Шана.

Маленький леопардовый кот вёл себя очень послушно: стоило юноше немного поуговаривать его и поцеловать, как он смирно становился моделью для рисунков.

Мужчина тихо спросил его:

— Юэ-Юэ, ты всё ещё согласен рисовать меня?

За эти два дня столько всего произошло, что Чэн Юэ даже не думал о том, чтобы снова взять в руки кисть.

Эта студия была просто великолепна — именно такой, какой он её себе и представлял в мечтах.

Раньше его материальное положение оставляло желать лучшего: он с лёгкостью тратил деньги на дорогой кошачий корм для А-Шана, но ему было жалко платить за квартиру побольше, поэтому обычно ему приходилось сидеть на маленьком коврике в гостиной, прижав к груди мольберт.

И теперь, глядя на столь прекрасную студию, сказать, что его сердце не дрогнуло, было бы неправдой.

Однако Чэн Юэ не удержался и тихо проговорил:

— Не нужно было этого делать. Всё равно через пару дней я съеду, как же жаль, что она будет пустовать.

Мужчина недовольно прищурился, и его голос прозвучал ровно:

— Ничего страшного, тогда я открою эту студию для всех желающих. Каждый сможет прийти, нужно будет лишь внести плату.

Юноша моргнул и на мгновение замялся:

— И сколько же стоит день?

Чэн Шан едва не лишился чувств от этой его простодушной наивности.

Он чуть дёрнул уголком рта:

— Пожалуй, две тысячи юаней.

Боже мой!

Как дорого!

Чэн Юэ не ориентировался в нынешних ценах, но услышав эту цифру, всё равно изрядно испугался.

Мужчина приподнял брови:

— Так что, не хочешь воспользоваться моментом и пока всё бесплатно, попробовать?

В конце концов Чэн Юэ не смог устоять перед таким искушением.

Юноша осторожно подошёл к мольберту и сел, касаясь то одного, то другого предмета, а его глаза сияли радостью.

Солнечные лучи играли на его профиле, ресницы отбрасывали лёгкие тени на веки, а кожа щек была нежно-молочного цвета. Мужчина почувствовал жжение в зубах, ему так и хотелось оставить на этой щеке свои отпечатки.

Он тихо кашлянул, подошёл и устроился на стуле перед мольбертом:

— Можно начинать.

Чэн Юэ от удивления чуть не подпрыгнул и поспешно выпалил:

— Что ты делаешь?

Мужчина ответил самым естественным тоном:

— Разве ты не собирался меня рисовать?

— Ты… тебе сегодня не нужно на работу?

— Сегодня выходной.

Чэн Юэ подавился словами:

— То… тогда разве у тебя нет других важных дел, о которых нужно позаботиться?

Чэн Шан с безмятежным видом посмотрел на него:

— Разве рисование — это не важно?

Юноша умолк.

Рисовать, конечно, важно, но ведь не он же позирует.

Впрочем, раз уж ему довелось воспользоваться такой замечательной студией, нарисовать картину в знак благодарности мужчине было вполне справедливо.

В комнате на какое-то время воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием кисти по бумаге.

Когда Чэн Юэ рисовал, он был невероятно сосредоточен, его ресницы время от времени опускались, придавая ему послушный вид.

Быть моделью на самом деле не так уж просто: нужно долго удерживать одну и ту же позу и выражение лица, от чего быстро устаёшь. Но мужчина сидел неподвижно, ощущая такую умиротворенность, какой прежде никогда не испытывал — словно он вернулся на двадцать лет назад, в те времена, когда сам был котом.

Он сидел там, неотрывно и сосредоточенно глядя на юношу.

За эти двадцать лет его положение становилось всё выше, кто-то восхищался им, кто-то завидовал и ненавидел, но Чэн Шан ещё ни разу по-настоящему не был счастлив.

Казалось, с того самого дня, как юноша исчез, его собственная душа умерла вместе с ним, и осталась лишь пустая оболочка, изнуряющая себя в бесконечных муках.

И только теперь он почувствовал, будто его давным-давно покинувшая тело душа наконец-то вернулась на своё место.

Когда Чэн Юэ отложил кисть, мужчина всё ещё не менял позы.

Юноша склонил голову набок и спросил:

— У тебя случайно тело не затекло?

Мужчина издал шипящий звук и тихо проговорил:

— Кажется, немного.

Чэн Юэ отложил кисть и поспешил помочь ему подняться, но не успел он поддержать мужчину, как тот рывком потянул его за руку. Не ожидавшего подвоха юношу качнуло вперед, и он рухнул прямо на колени мужчине.

Он испуганно вскрикнул:

— Ты что творишь?!

Бёдра мужчины были крепкими, и даже сквозь слой одежды ощущался исходящий от них жар. Чувствуя себя крайне неуютно всем телом, юноша заерзал, пытаясь встать, но руки мужчины обхватили его за талию ещё крепче.

— Чэн Шан! — испуганно и сердито выкрикнул юноша. — Прекрати!

Мужчина уткнулся лицом в его шею, и его горячее прерывистое дыхание обжигало кожу. Это было немного щекотно, но куда сильнее напоминало удар током — каждая пора на теле словно источала жар.

— Забыл? Раньше, когда ты заканчивал рисовать меня, всегда обнимал меня.

Мужчина прошептал:

— Забыл порядок действий?

К чёрту такой порядок!

С самого детства Чэн Юэ никогда ни с кем не сближался настолько тесно. Ему казалось, что его со всех сторон обволакивает удушающий, не пропускающий ни единого дуновения ветерка жар.

http://bllate.org/book/36708/4565899